

К 55-летию Геологического музея им. А. А. Чернова The 55th anniversary of the A. A. Chernov Geological Museum

УДК 553(091)

DOI: 10.19110/geov.2023.5.4

Из архива профессора Д. П. Григорьева: воспоминания об А. К. Болдыреве, В. А. Зильберминце, Л. Л. Иванове, В. И. Крыжановском, П. П. Сущинском и Н. М. Федоровском

Ю. Л. Войтеховский

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург
Российское минералогическое общество, Санкт-Петербург
vojtehovskij@herzen.spb.ru

В статье впервые публикуются воспоминания советского минералога профессора А. Я. Микее о крупных отечественных минералогах и геологах А. К. Болдыреве, В. А. Зильберминце, Л. Л. Иванове, В. И. Крыжановском, П. П. Сущинском и Н. М. Федоровском, найденные автором в архиве профессора Д. П. Григорьева, хранящемся в Российском минералогическом обществе. Все документы расшифрованы, атрибутированы и прокомментированы автором. Актуальность статьи состоит в необходимости отстаивания приоритетов российской науки и техники. Цель работы — максимально полное освещение профессиональной и творческой деятельности названных ученых как важных эпизодов истории отечественной минералогии. Упоминание в статье имен Д. Н. Артемьева, Н. И. Безбородько, В. И. Вернадского, Ф. Э. Дзержинского, В. В. Дубянского, А. В. Лаврского, П. И. Лебедева, Ф. Ю. Левинсон-Лессинга, Я. В. Самойлова, И. И. Танатара, А. А. Твалчрелидзе, А. Е. Ферсмана, Е. С. Федорова, П. Н. Чирвинского и Л. Я. Ячевского должно привлечь внимание широкого круга читателей. Подчеркнута важность личных архивов в изучении истории науки. Архив профессора Д. П. Григорьева в письмах и других документах отражает мощный пласт довоенной и послевоенной истории российской минералогии. Статья приурочена к 55-летию Музея им. А. А. Чернова Института геологии им. Н. П. Юшкина.

Ключевые слова: Д. П. Григорьев, А. К. Болдырев, В. А. Зильберминц, Л. Л. Иванов, В. И. Крыжановский, П. П. Сущинский, Н. М. Федоровский, история минералогии.

From Professor D. P. Grigoriev's archive: memories of A. K. Boldyrev, V. A. Zilbermintz, L. L. Ivanov, V. I. Kryzhanovsky, P. P. Sushchinsky and N. M. Fedorovsky

Yu. L. Voytekhovsky

A. I. Herzen Russian State Pedagogical University, Saint Petersburg
Russian Mineralogical Society, Saint Petersburg

The article publishes for the first time the memoirs of the Soviet mineralogist Prof. A. Ya. Micky about the great Russian mineralogists and geologists A. K. Boldyrev, V. A. Zilbermintz, L. L. Ivanov, V. I. Kryzhanovsky, P. P. Sushchinsky and N. M. Fedorovsky, found by the author in the archive of Prof. D. P. Grigoriev, preserved at the Russian Mineralogical Society. All documents are transcribed, attributed and commented by the author. The relevance of the article lies in the necessity of defending priorities of the Russian science and technology. The purpose of the paper is to give a fullest coverage of professional and creative activities of the mentioned scientists as important episodes of the history of Russian mineralogy. The names of D. N. Artemyev, N. I. Bezborodko, V. I. Vernadsky, F. E. Dzerzhinsky, V. V. Dubyansky, A. V. Lavrsky, P. I. Lebedev, F. Yu. Levinson-Lessing, Ya. V. Samoylov, I. I. Tanatar, A. A. Tvalchrelidze, A. E. Fersman, E. S. Fedorov, P. N. Chirvinsky, and L. Ya. Yachevsky should appeal to a wide range of readers. The importance of personal archives in the study of the history of science is underlined. The archive of Professor D. P. Grigoriev in letters and other documents reflects a powerful layer of prewar and postwar history of Russian mineralogy. The article is dedicated to the 55th anniversary of the A. A. Chernov Museum of the N. P. Yushkin Institute of Geology.

Keywords: D. P. Grigoriev, A. K. Boldyrev, V. A. Zilbermintz, L. L. Ivanov, V. I. Kryzhanovsky, P. P. Sushchinsky, N. M. Fedorovsky, history of mineralogy.

Введение

В статье представлены вторая часть «Воспоминаний о минералогах» профессора А. Я. Микее о А. К. Болдыреве, В. А. Зильберминце, В. И. Крыжановском и П. П. Сущинском, а также написанные позднее этюды

о Н. М. Федоровском и Л. Л. Иванове. Все они найдены автором в архиве профессора Д. П. Григорьева, хранящемся в Российском минералогическом обществе. В текстах упоминаются крупные ученые и государственные деятели: Д. Н. Артемьев, Н. И. Безбородько,

Для цитирования: Войтеховский Ю. Л. Из архива профессора Д. П. Григорьева: воспоминания об А. К. Болдыреве, В. А. Зильберминце, Л. Л. Иванове, В. И. Крыжановском П. П. Сущинском и Н. М. Федоровском // Вестник геонаук. 2023. 5(341). С. 30–39. DOI: 10.19110/geov.2023.5.4

For citation: Voytekhovsky Yu. L. From Professor D. P. Grigoriev's archive: memories of A. K. Boldyrev, V. A. Zilbermintz, L. L. Ivanov, V. I. Kryzhanovsky, P. P. Sushchinsky and N. M. Fedorovsky. Vestnik of Geosciences, 2023, 5(341), pp. 30–39, doi: 10.19110/geov.2023.5.4

В. И. Вернадский, Ф. Э. Дзержинский, В. В. Дубянский, А. В. Лаврский, П. И. Лебедев, Ф. Ю. Левинсон-Лессинг, Я. В. Самойлов, И. И. Танатар, А. Е. Ферсман, Е. С. Федоров, П. Н. Чирвинский, Л. Я. Ячевский. Это должно привлечь внимание широкого круга исследователей и любителей отечественной истории, в особенности первой половины XX века.

Все герои статьи были связаны с естественно-научными музеями. Д. П. Григорьев — организатор послевоенных экспозиций и бессменный куратор Минералогического музея Санкт-Петербургского горного университета. А. К. Болдырев — организатор лаборатории по изготовлению учебных моделей кристаллов и кристаллических структур, до сих пор используемых в преподавании и экспозициях того же музея. В. А. Зильберминц — хранитель Почвенного музея Петроградского университета в 1917–1923 гг. В. И. Крыжановский — хранитель минералогического отдела Геологического музея им. Петра Великого Императорской академии наук с 1907 г., заведующий Минералогическим музеем РАН в 1932–1947 гг. П. П. Сущинский хранитель минералогического кабинета Санкт-Петербургского университета в 1898–1900 гг. Н. М. Федоровский как директор ВИМС уделил много внимания сбору его минералогических коллекций и сохранению памяти о В. В. Аршинове — основателе частного института Lithogaea. Л. Л. Иванов — организатор довоенных экспозиций и куратор Минералогического музея Екатеринославского (ныне Днепропетровского) горного института.

Правописание в текстах в основном сохранено, исправлены лишь явные опечатки и расшифрованы сокращения. По возможности проверены упоминаемые даты и события, при необходимости сделаны примечания, в помощь заинтересованным минералагам вставлены ссылки на упоминаемые научные труды.

Анатолий Капитонович Болдырев (1883–1946)

С крупнейшим представителем федоровской школы, так много сделавшим для укрепления ее позиций в русской науке, для торжества и популяризации идей учителя, с чутким, тактичным, добрым и добродушным А. К. Болдыревым я столкнулся сравнительно поздно. Долгое время я знал его только понаслышке да по его незаменимым в свое время учебникам (*Болдырев, 1934, 1935*), в части кристаллографии развивавшим взгляды Е. С. Федорова. Но ни обмена работами, ни тем более переписки у нас с ним не было.

Первое наше знакомство произошло в Москве в мае 1937 г. на Всесоюзном совещании минералогов, созванном Академией наук СССР. Здесь при открытии конференции на пленуме А. К. сделал доклад, в котором увязывал теорию «каоинового кольца» В. И. Вернадского с данными рентгеновского структурного анализа, как бы проверяя и ревизуя реальность первой и правильность ее исходных предпосылок с точки зрения вторых. После него на пленуме стоял мой доклад «Основные задачи дальнейшего изучения минералогии глин». Доклад мой имел некоторый успех. И когда в конце пленарного заседания кто-то с места задал А. К. какой-то вопрос, касающийся глин, он отослал

вопрошавшего за ответом ко мне как специалисту-геологу. Придя на следующий день на конференцию, я в кулуарах встретил А. К., поднесшего мне оттиск одной из его работ со словами, что он меня долго искал.

Прошло четыре года... В 1941 г. меня, арестованного в 1937 г. и репрессированного, привезли из колымской тайги в Магадан после двухлетнего пребывания на трудных, утомительных и физически изнуряющих общих работах. Привезли слабым и изможденным — «доходягой», как говорят в лагерях, уже перенесшим цингу, крупозное воспаление легких и двукратно обмороженного. Блуждая без определенной цели по бараку, я неожиданно услышал кем-то громко произнесенную фамилию Болдырев. От соседей узнал, что в этом же бараке обитает заключенный профессор Болдырев. Я тотчас подошел к Анатолию Капитоновичу, который встретил и принял меня так гостеприимно и радушно, как только и могут принимать один другого случайно встретившиеся заключенные, знавшие друг друга по прошлой, доарестной жизни.

Он тотчас же представил меня жившему там вместе с ним своему ассистенту, одному из учеников Ф. Ю. Левинсона-Лессинга, очень милому человеку, фамилию которого я, к сожалению, забыл. Вдвоем они сделали все, что было в их возможностях, чтобы скрасить и облегчить мое положение. А. К. дал мне немного бывших у него конфет (редкость в те годы в тех условиях) и по-товарищески поделился некоторой суммой денег. Сам он работал по специальности в геологоразведочном отделе «Дальстроя» зав<едующим> минералогическим сектором. Он тотчас начал усиленно хлопотать с целью добиться у «Дальстроя» снятия меня с общих работ и направления в геологоразведочный отдел на работу по специальности — организовать лабораторию физико-химических методов анализа и руководить ею. При том авторитете, которым пользовался А. К. у начальства «Дальстроя» (*его учеником был выпускник Ленинградского горного института (1928), участник 1-й Колымской (Билибинской) экспедиции (1928–1929), начальник 2-й (1930–1931) и 3-й (1933–1935) Колымских экспедиций, начальник геолого-разведочного управления «Дальстроя» (с 1940), генерал-майор инженерно-технической службы (1945) В. А. Цареградский. — Ю. В.*), можно было надеяться, что хлопоты его увенчаются успехом и лаборатория будет создана.

К сожалению, довольно скоро после нашей встречи меня снова послали на этап далеко в тайгу, правда теперь уже по специальности — в качестве геолога «Колымпроекта». Как раз за несколько дней до моей отправки на этап имело место вероломное нападение гитлеровцев на СССР. Живо помню, с каким удивленным недоверием принял эту новость (война с Германией) А. К., когда я ее ему сообщил. С моим отъездом на этап закончилась «колымская встреча» с А. К., оставившая у меня самое теплое, светлое и благодарное воспоминание о нем. После моего отъезда из Магадана он еще несколько лет жил там. Он целиком отбыл приговоренный ему срок, освободился, как говорят лагерники, «по звонку» (*как и сам рассказчик. — Ю. В.*) и, уже освободившись, продолжал служить в «Дальстрое» на положении вольнонаемного. Как говорят, он собирал материал для какой-то работы.

Тут-то его и настигла трагическая гибель. Приехавшие с Колымы товарищи рассказывали, что однажды А. К. был направлен «Обществом по распространению научных и политических знаний» для чтения лекций из Магадана куда-то на периферию, где хотели иметь докладчиком и просили прислать именно А. К. Болдырева. Он поехал на автомобиле. Но то ли потому, что они сбились с пути, то ли для его сокращения они поехали по льду через море. Лед был еще тонок (лед был «уже тонок» — 25 марта 1946 г. — Ю. В.), не выдержал тяжести машины, и она провалилась. Шофер погиб сразу, А. К. сумел выбраться из воды на какую-то глыбу льда, где его уже позднее нашли держащего в руке карандаш и, очевидно, желавшего что-то написать, но не успевшего, окоченевшего и скончавшегося. Так горестно и печально погиб крупный советский ученый и чудесный человек, честь и имя которого как необоснованно привлеченного в 1937 г. к уголовной ответственности будут теперь, надо надеяться, уже по-смертно полностью очищены от клеветы и — в видах торжества справедливости — целиком реабилитированы. (Похоронен в Магадане (рис. 1). В архиве Д. П. Григорьева нашлась копия справки о реабилитации А. К. Болдырева 30 марта 1957 г., но с двусмысленной формулировкой: «за недоказанностью виновности» вместо «за отсутствием состава преступления» (рис. 2). — Ю. В.)

Дополнение (простым карандашом от руки — Ю. В.). Когда я перечитывал уже отпечатанную на машинке статью, мне припомнилось, что однажды Л. Л. Иванов предложил мне представить меня в члены Минералогического общества. По уставу для избрания новых членов надо было иметь представления трех старых. Вторым моим представителем был проф. П. И. Лебедев (Москва). Третьим Л. Л. Иванов попросил быть А. К. Болдырева. Он дал свое согласие, и я был избран. (Фото этого фрагмента приведено в нашей предыдущей статье. — Ю. В.)

Вениамин Аркадьевич Зильберминц (1887–1939)

Летом 1926 г. я вместе с уже покойным горным инженером В. Х. Клоповым работал в Карачае по среднему течению Кубани в партии, организованной Горным отделом Северо-Кавказского краевого С^овета Народного Х^озяйства (Ростов-на-Дону), для обследования прикубанских юрских углей и недавно открытых месторождений асбеста в Карачае и для разведки Красногорского месторождения огнеупорных глин. Во время последних работ я обратил внимание на интересное в минералогическом отношении обнажение юрских доломитов урочища Учкурка на правом берегу Кубани, недалеко от Баталпашинска и в нескольких километрах по течению Кубани ниже станицы Красногорской. Здесь в доломитах имелось много пустот, несущих конкреции целестина и халцедона.

Уже вернувшись в Днепропетровск и работая над отчетом Горному отделу, я узнал, что это месторождение юрских целестинов было ранее открыто и впервые описано В. А. Зильберминцем (1914а, 1914b). Вскоре я лично познакомился с ним на I Всесоюзном съезде минералогов, созванном АН СССР в Ленинграде на рубеже 1926 и 1927 гг. Как-то в коридоре я подошел к нему, представился и заговорил о кубанских целестинах.

Рис. 1. Могила А. К. Болдырева в Магадане, фото автора

Fig. 1. The grave of A. K. Boldyrev in Magadan, photo by the author

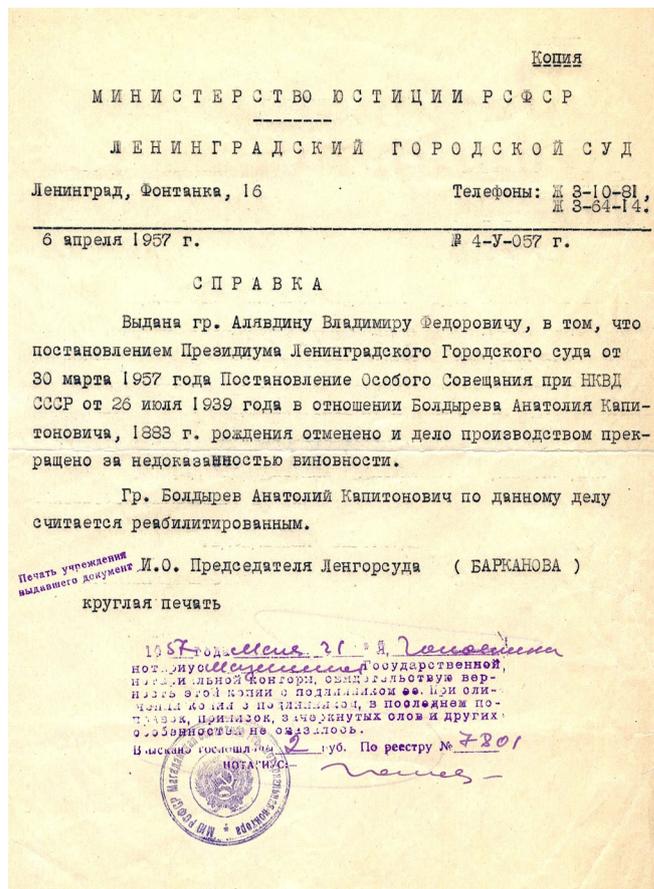

Рис. 2. Копия справки о реабилитации А. К. Болдырева

Fig. 2. Copy of A. K. Boldyrev's rehabilitation certificate

С тех пор до самого конца (до ареста А. Я. Микея 30 мая 1937 г. — Ю. В.) мы с ним неизменно обменивались работами и поддерживали приятельские отношения. Мягкий, скромный, тактичный и постоянно корректный человек, блондин с небольшой бородкой, В. А. обладал и некоторыми странностями. Например, в письмах и подносимых отгисках он всегда применял ма-

лоупотребительное обращение «искренне (а не глубоко- или много-, как обычно принято) уважаемый».

Через некоторое время после первого знакомства мы встретились с В. А. в Москве и он пригласил меня к себе. Об этой нашей встрече у меня уцелели только самые смутные воспоминания. Зато значительно лучше помню ярко мне запомнившуюся последнюю нашу большую встречу летом 1936 г., когда в дни одной из моих столь частых в те годы командировок в Москву В. А. пригласил и повел меня в Парк культуры и отдыха. В этот раз наша с ним беседа почти все время касалась В. И. Вернадского, которому В. А. (как ученик одного из его старших учеников Я. В. Самойлова, так же, как и я) приходился «духовным внуком». Вероятно, как и все минералоги «школы Вернадского», В. А. был пламенным поклонником личности учителя.

Запомнилось мне вскользь во время этой нашей с ним последней беседы оброненное им замечание, что «там, где Александру Евгеньевичу (Ферсману. — Ю. В.) надо написать в Совнарком докладную записку о чем-либо в несколько страниц, Владимиру Ивановичу достаточно лишь написать записку в несколько строк, и с ней посчитаются — так велик авторитет Вернадского в правящих кругах». После нашей встречи в Парке культуры и отдыха я В. А. больше не видел. А в 1937 г. он совершенно исчез с горизонта советской науки. Судьба его мне неизвестна. Боюсь и подозреваю, что и его настигла судьба А. К. Болдырева и других минералогов-неудачников 1937 г. (Арестован 25.06.1938, расстрелян 21.02.1939, реабилитирован Военной коллегией ВС СССР 18.07.1956. — Ю. В.)

Владимир Ильич Крыжановский (1881–1947)

Один из старых учеников В. И. Вернадского, многолетний бессменный хранитель Минералогического музея АН СССР, В. И. Крыжановский памятен мне по ряду моих с ним встреч, датировка и хронологическая последовательность которых мною, к сожалению, позабыты. Знакомство мое с ним состоялось в Екатеринославе (ныне Днепрпетровск), куда он прибыл вместе с известным киевским петрографом проф. Н. И. Безбородько и обратился ко мне с просьбой проводить их в нашу местную гордость — Потемкинский (ныне Шевченковский) парк, который так богат интересными минералами (ортит, палыгорскит, десмин, кристаллы микроклина), что Н. К. Лещенко одно время даже ставил вопрос об учреждении в нем минералогического заповедника. Не помню точно, обратились ли они с просьбой показать им граниты этого парка непосредственно ко мне или же к проф. И. И. Танатару (*был женат на сестре А. Я. Микея. — Ю. В.*), у которого я тогда жил, и он привел их ко мне как к чичероне (*проводник, дающий объяснения туристам. — Ю. В.*)...

После этого знакомства я неизменно всегда, когда бывал в Москве, заходил к В. И. и не раз пользовался его отзывчивым и щедрым содействием, когда мне для моих научных работ нужны были те или иные минералы из богатых собраний возглавляемого им музея. Так, например, один раз он мне дал ряд образцов нонтронитов, подчеркнута при этом обратив мое внимание на то, что среди них были личные сборы А. Е. Ферсмана. Один из них (нонтронит из Марьинского

прииска) обработал и описал я лично, другие же (*Сара Calamita — Италия*) — мои ученики-студенты, исследовавшие их в моей лаборатории (*Передериев, 1937*). В другой раз он дал мне образцы редких природных стекол (мареканит, сордавалит, молдаванит) (*сордавалит, или сердоболит, сортавалит, по Ф. Ю. Левинсон-Лессингу, диабазовые стекла, приурочены к зальбандам жил. — Ю. В.*). К сожалению, арест 29.05.1937 (*интернет дает дату 30.05.1937. — Ю. В.*) помешал мне исследовать эти своеобразные стекла, а сами образцы пропали вместе со всеми моими коллекциями и библиотекой в годы войны.

Пожалуй, последняя моя встреча с В. И. была в 1936 г. или 1937 г., когда я привез в Москву и передал ему для музея Академии наук образцы редкого черного (обогащенного (*углистым веществом? — Ю. В.*)) глауконита и вмещающей его небогащенной породы из месторождения села Кочережки Днепрпетровской области. Вспоминается мне и острота В. И. во время одной из наших встреч, когда я сказал ему, что занимаюсь минералогией глин и добавил слышанную мною от Л. Л. Иванова шутку (позднее я узнал, что раньше она была у Cornu) (*Ф. Корню — австрийский минералог, активно и успешно внедрявший в минералогию коллоидную химию. — Ю. В.*), что это «пасынки минералогии». В. И. шутя добавил: «И как все пасынки — с тяжелыми характерами». Много лет спустя я вспомнил В. И., когда читал «Лебединую песню» А. Е. Ферсмана в его «Воспоминаниях о камне». Я наткнулся там на рассказ, как он покупал у уральских горщиков — любителей камня образцы редких минералов и при торге присутствовал его спутник Илья Владимирович (*Ферсман, 1946, с. 65*).

Петр Петрович Сущинский (1875–1937)

Весной 1929 г. трест «Севкавгорнопром» проводил разведочные работы на вновь открытых месторождениях пемзы и вулкан<ического> пепла в окр<естностях> Нальчика в Кабардино-Балкарской авт<ономной> области. Начальником партии был инженер И. Н. Ситковский, я был послан в его партию в качестве консультанта от «Севкавгеолкома». Во время нашей работы в Нальчике к нам — в качестве своеобразного «консультанта высшего порядка» из того же «Севкавгеолкома» прибыл профессор Новочеркасского политехнического института П. П. Сущинский, уже пожилой тогда человек и видный русский минералог. Это было мое с ним первое знакомство.

Очень милый, открытый и добродушный человек, П. П. сразу же отнесся ко мне просто и по-приятельски. В то время над моей головой молодого геолога и начинающего инженера, делающего довольно удачную карьеру по специальности и уже завоевавшего кое-какое авторитетное положение на Сев<ерном> Кавказе, уже начали собираться те настроения зависти, склок, интриг и клеветы, которые пышным цветом расцвели позднее — травлей лета 1930 г. на нашей работе в Армении. Петр Петрович, по самому своему вескому положению в Новочеркасске и, в частности, в «Севкавгеолкоме» знавший многое закулисно-официозное, однажды в товарищеской беседе со мной коротко намекнул мне на нехорошие разговоры, имевшие место

кое-где при упоминании моего имени в связи с Г<лавным> П<олитическим> У<правлением>.

Вскоре после этого я во время одного из моих частных в те годы приездов в Ростов-на-Дону заехал по какому-то делу в Новочеркасск. Там мне привелось встретиться с П. Н. Чирвинским (арестован в 1931 г., в ссылке до 1943 г., судимость снята в 1945 г., реабилитирован посмертно «за отсутствием состава преступления» в 1989 г. — Ю. В.) и П. П. Сушинским. Петр Петрович пригласил меня остановиться у него. Живо помню уютный маленький особняк Сушинских с любительски подобранной мебелью в стиле николаевского ампира, что создавало иллюзию пьесы А. Н. Островского на сцене Малого театра. Вспоминается мне круглый стол, весь заваленный папками и адресами, поднесенными хозяину дома по поводу недавно перед этим торжественно отпразднованного его юбилея и показывавшимися им гостю с гордостью и любовью. (Речь идет о 55-летию; строго говоря, это не юбилей, а круглая дата. — Ю. В.)

Очень мила была хозяйка, жена П. П., добродушная, комильфотная (отвечающая требованиям этикета, правилам хорошего тона, светским нормам. — Ю. В.) старушка, провинциальная поэтесса, показавшая мне сборник стихов, изданный в Новочеркасске на собственный счет. Во время этой последней моей встречи с Петром Петровичем у него было подавленное настроение. Как он сам мне сказал, его томили скверные предчувствия ареста. И действительно, вскоре он был репрессирован (арестован в январе 1931 г. — Ю. В.). Отмеренный ему срок П. П. отбыл на Новой Земле (на свинцовых шахтах о. Вайгач. — Ю. В.), где сделал работу по минералогии (монография «Минералы о. Вайгач» осталась в рукописи. — Ю. В.), с которой докладывал в мае 1937 г. на уже не раз выше упоминавшемся Всесоюзном совещании минералогов, созванном в Москве АН СССР. Вскоре после этого совещания П. П. исчез как с моего горизонта, так и из минералогии вообще. По слухам, он был репрессирован вторично и больше к жизни не вернулся. (Арестован 4 июля 1937 г. вместе с женой, расстрелян 14 декабря 1937 г., реабилитирован 7 июня 2000 г. — Ю. В.)

28.VI — 5.VII. — 1956 г. Днепрпетровск

Следующие далее очерки о Н. М. Федоровском (рис. 3) и Л. Л. Иванове (рис. 4) написаны А. Я. Микеем дополнительно, но являются частью его «Воспоминаний о минералогах». Тексты написаны синими чернилами, от руки, трудным для чтения, очень мелким почерком, на тетрадных листах и датированы, что позволило установить их очередность.

Николай Михайлович Федоровский (1886–1956)

После продолжительной и мучительной болезни 27 августа 1956 г. скончался Н. М. Федоровский (Тихомиров, Волкова, 1956). Мне, прожившему с покойным около полутора лет в 1946–1947 гг. бок о бок на смежных койках поликлиники лагпункта МВД Злобино под Красноярском, где мы с ним оба находились в ожидании отправки по спецнаряду в Норильск, хочется на этих страницах оттенить такие стороны деятельности и морального облика Николая Михайловича, которые,

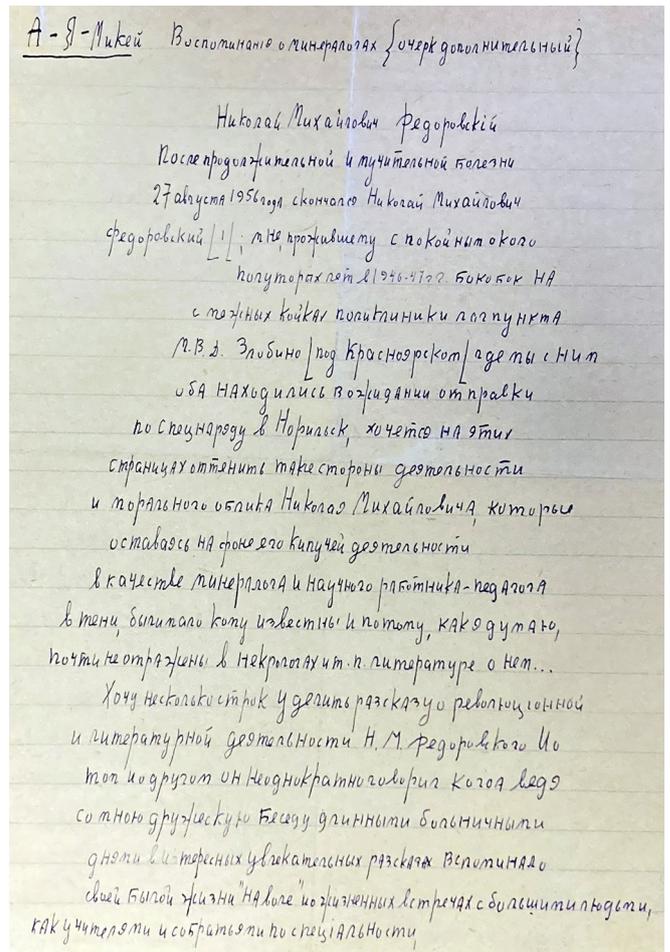

Рис. 3. Начало очерка о Н. М. Федоровском

Fig. 3. The beginning of the essay about N. M. Fedorovsky

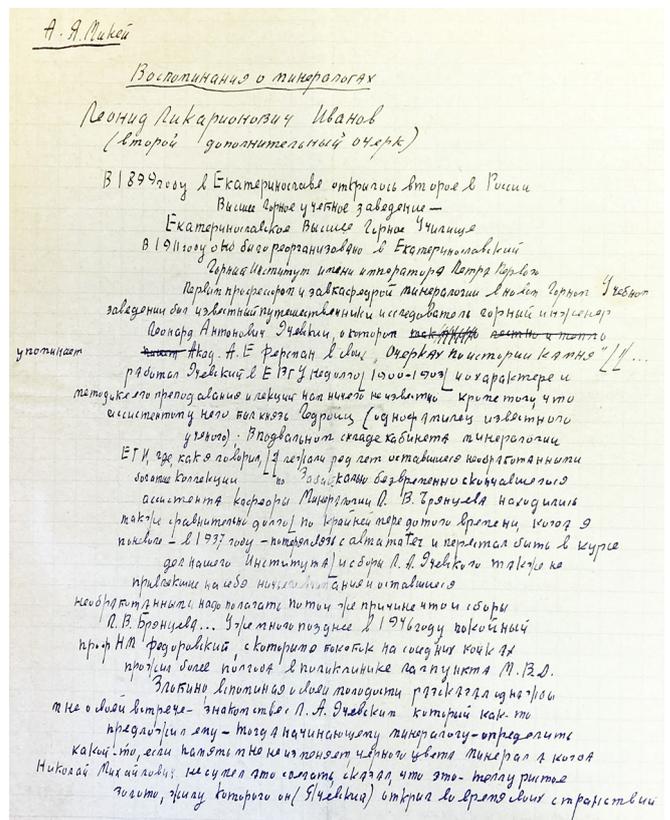

Рис. 4. Начало очерка об Л. Л. Иванове

Fig. 4. The beginning of the essay on L. L. Ivanov

оставаясь на фоне его кипучей деятельности в качестве минералога и научного работника-педагога в тени, были мало кому известны и потому, как я думаю, почти не отражены в некрологах и т.о.м. п.о.добной литературе о нем.

Хочу несколько строк уделить рассказу о революционной и литературной деятельности Н. М. Федоровского. И о том и о другом он неоднократно говорил, когда, ведя со мною дружескую беседу длинными рассказами вспоминал о своей былой жизни «на Волге» и о жизненных встречах с большими людьми, как учителями и братьями по специальности, так и с людьми, далекими от минералогии. Из первых Н. М. особенно часто тепло, с большим уважением и любовью рассказывал об учителе — академике В. И. Вернадском. Затем тепло упоминал о В. И. Крыжановском в связи с рассказом о покупке у уральских горщиков редкого эвклаза и об А. А. Твалчрелидзе, когда вспоминал о совместно с ним проведенных работах по открытию гумбина (*отбеливающая глина, названа по селу Гумбри в окрестностях Кутаиси. — Ю. В.*) и его месторождений в Закавказье.

Однажды он долго и интересно рассказывал о своем бывшем сослуживце, московском кристаллографе, бывшем члене РКП(б) Артемьеве, удивительная судьба которого сложилась так, что он, уйдя из партии и выехав за границу, затем в Германии уже перешел в католичество, кажется (точно не помню), постригся в монахи и стал кардиналом (это я помню твердо) римско-католической церкви. Дальнейшая судьба этого кристаллографа была, по-видимому, Николаю Михайловичу неизвестна.

(Биография Д. Н. Артемьева, ученика В. И. Вернадского и Е. С. Федорова, соученика А. Е. Ферсмана по Московскому университету, описана в статье Трейвуса (2004). Здесь сошлемся лишь на А. Е. Ферсмана: «...Рядом со мной (в лаборатории В. И. Вернадского. — Ю. В.) вел свой анализ Д. Н. Артемьев, представитель «золотой молодежи» (по наследству владел имением. — Ю. В.), блестящий исследователь кристаллографии в школе Е. С. Федорова (тогда профессора Московского сельскохозяйственного института. — Ю. В.), потом видный работник Наркомпроса, первый ректор Горной академии в Москве, спекулянт бриллиантами и драгоценными камнями, бежавший за границу, снова кристаллограф, издавший в Берлине прекрасное руководство по кристаллографии и, наконец, настоятель крупнейшего католического монастыря на юге Франции, а сейчас, говорят, кардинал» (Ферсман, 1946). Закончил жизнь суицидом (Трейвус, 2004, с. 98) — Ю. В.)

Из неминералогов Н. М. в своих рассказах особенно часто вспоминал «железного Феликса», с которым, как видно, состоял в приятельских отношениях и который ему не один раз помогал в хлопотах по делам Института прикладной минералогии. Вообще, к революционной стороне своей жизни и связанным с ними встречам Н. М. в своих воспоминаниях обращался неоднократно. Начиная с рассказа о своей первой любви, когда он, кончаящий провинциальный гимназист, влюбился в приехавшую к ним в город на вакацию (*каникулы. — Ю. В.*) какую-то петербургскую гимназистку, списался с ней, поехал в Петербург, где целиком подпал под ее влияние настолько, что, не имея других

средств к существованию, поступил по ее совету на службу в какой-то театрик на какую-то второстепенную подсобную должность. (*Позднее он так же попадает под влияние Д. Н. Артемьева в его хлопотах о переезде в Москву, здесь видна черта характера. — Ю. В.*) Под ее же влиянием он оказал ей какое-то мелкое техническое содействие (подробностей не помню) в каком-то выступлении анархистов на улицах С.анкт-П.етербурга. Девица эта была анархисткой и при этом выступлении была арестована, Н. М. случайно благополучно уцелел. Было ему тогда, надо полагать, 17 лет, ибо с 1904 г. он — 18 лет от роду (родился 12 ноября 1886 г.) — уже член КПСС. (*«Википедия» указывает дату рождения 30 ноября (12 декабря) 1886 г., член РСДРП с 1904 г. — Ю. В.*) Вспоминал он и о своей нелегальной работе (среди войск?) в 1905 г. в Финляндии по заданию партии.

Всегда интересный, увлекательный и занимательный рассказчик-собеседник, Н. М. (что мало кто знает) пробовал свои незаурядные способности и на литературном поприще. Своими прозаическими замыслами (в Злобино) и поэтическими опытами (позднее из Норильска) он обычно делился со мной. Из его прозаических сюжетов наиболее мне запомнились следующие три. Первый — приключенческая повесть о похождениях геологов при поисках и разведках месторождений оловянного колчедана (*станнина, так как колчеданами называли сульфиды, реже арсениды и стибниды металлов — Ю. В.*). Сюжет навеян мимолетно высказанной идеей В. И. Вернадского о том, что переход человечества от каменного века к бронзовому, а не к медному, был вызван тем, что люди сначала познакомились в природе с сложными комплексными Sn-Cu рудами (оловянный колчедан), способными дать бронзу, и лишь позднее узнали чисто медные руды.

Другой запомнившийся мне сюжет Н. М. начинался яркой образной картиной сумасшедшего дома, где один умалишенный рассказывал автору о своих приключениях, сначала удачах, а потом и приведших его в провинциальный сумасшедший дом неудачах при длительных и упорных поисках «живой» и «мертвой» воды русских сказок. Интересная мысль — литературно оформить до сих пор, как мне кажется, никем нигде не затронутый еще сюжет отечественного фольклора.

Наконец, третий сюжет Н. М. также связан с фольклором — с уже имевшей некоторое отражение в литературе своеобразной еврейской легендой о механическом человеке-роботе Golem von Rag (*тряпичная кукла, оживленная с помощью магии. — Ю. В.*). В Норильске в связи, очевидно, с последними в жизни сердечными переживаниями Н. М. занимался больше поэзией. Он написал две автобиографические поэмы, «Кармен» и «Светлана», и стихотворения, два из которых для примера привожу далее. Подлинники-автографы обеих поэм и стихов, даваемых в приложении, хранятся в частном личном архиве-собрании С. М. Готвальд в Одессе. Любопытно, что — в отступление от традиции — Кармен у Н. М. не брюнетка, а блондинка, на что он обращал мое внимание, сообщая мне об этой поэме в письме: это скорее Лорелея (*нимфа с золотистыми волосами, воспетая в поэзии и музыке, например в стихотворении Г. Гейне и переводе А. Блока. — Ю. В.*). Начинается «Кармен» двумя строфами:

I
В который раз передо мной
Кармен на сцене умирает,
И с новой силою в другой
На сцене жизни воскресает.

II
Небрежный красочный наряд,
Искристый лучезарный взгляд,
Клубок капризов и измен
Мне говорят, что ты — Кармен.

27.III.57 Днепрпетровск

Леонид Ликарионович Иванов (1877–1946)

В 1899 г. в Екатеринославе открылось второе в России высшее горное учебное заведение — Екатеринославское высшее горное училище (первое в России Санкт-Петербургское горное училище основано в 1773 г., в 1899 г. — Горный институт императрицы Екатерины II. — Ю. В.). В 1911 г. оно было реорганизовано в Екатеринославский горный институт имени императора Петра I. Первым профессором и зав^{едующим} кафедрой минералогии в новом горном учебном заведении был известный путешественник и исследователь горный инженер Леонард Антонович Ячевский, о котором упоминает А. Е. Ферсман в своих «Очерках по истории камня» (Ферсман, 1954, с. 200). Работал Ячевский в Е^{катеринославском} В^{ысшем} Г^{орном} У^{чилище} недолго (1900–1903), и о характере и методике его преподавания и лекций нам ничего не известно, кроме того, что ассистентом у него был князь Гедройц (однофамилец известного ученого). (Вероятно, имеется в виду академик АН СССР почвовед К. К. Гедройц из того же княжеского рода. — Ю. В.).

В подвальной комнате кабинета минералогии Е^{катеринославского} Г^{орного} И^{нститута}, где (как я говорил в воспоминаниях о В. И. Вернадском) лежали ряд лет оставшиеся необработанными большие коллекции по Забайкалью безвременно скончавшегося ассистента кафедры минералогии Л. В. Брянцева, находились также сравнительно долго (по крайней мере, до того времени, когда я поневоле в 1937 г. потерял связь с *alma mater* и перестал быть в курсе дел нашего института) и сборы Л. А. Ячевского, также не привлекавшие на себя ничьего внимания и оставшиеся необработанными, надо полагать, по той же причине, что и сборы Л. В. Брянцева (Л. А. Ячевский умер рано, в 1916 г. — Ю. В.).

Уже много позднее, в 1946 г., покойный проф^{ессор} Н. М. Федоровский, с которым я бок о бок на соседних койках прожил более полугодом в поликлинике лагпункта МВД Злобино, вспоминая о своей молодости, рассказал однажды мне о своей встрече-знакомстве с Л. Я. Ячевским, который как-то предложил ему — тогда начинающему минералогу — определить какой-то, если память мне не изменяет, черного цвета минерал. А когда Николай Михайлович не сумел этого сделать, сказал, что это — теллуристое золото (неясно: с *калавритом*, *креннеритом*, *сильванитом* и другие минералы с *Au* и *Te* серебристо-белые до латунно-желтых. — Ю. В.), жилу которого он открыл во время своих странствий в одном из ущелий окрестностей Джелалабада (в биографии и библиографии нет следов геологических работ Л.

Я. Ячевского в Афганистане. — Ю. В.). Надо думать, что среди образцов сборов Леонарда Антоновича на складе кабинета минералогии Е^{катеринославского} Г^{орного} И^{нститута} было и это теллуристое золото и что открытое Ячевским месторождение скоро вторично откроют молодые советские геологи... (Намек на то, что в 1950-х, когда писались эти мемуары, в Афганистан действительно пришли советские геологи; к востоку от Кабула были найдены пегматитовые поля с рубинами, бериллами, изумрудами, кунцитами, гидденитами и многое другое. — Ю. В.).

После Ячевского минералогию в Е^{катеринославском} В^{ысшем} Г^{орном} У^{чилище} вел Аркадий Валерьянович Лаврский (1903–1908). В 1908 г. он перевелся в Томск, оставив после себя еще менее следов, чем его предшественник. От него не осталось даже и коллекции. После его ухода в 1906 г. Совет института объявил конкурс на замещение вакантной должности профессора, зав^{едующего} кафедрой минералогии. Конкурентами-соискателями на конкурсе выступили: варшавянин, известный знаток Кавказа, дважды поднимавшийся на Эльбрус, автор классической монографии «К петрографии Эльбруса» В. В. Дубянский (Дубянский, 1914) и начинающий минералог школы В. И. Вернадского Л. Л. Иванов. Как передавали современники, лестный отзыв Владимира Ивановича, данный им своему «любимому ученику» (Вернадский, 1908), решил исход конкурса в пользу Л. Л. Иванова. Эта репутация — «любимый ученик Вернадского» — сохранилась за Л. Л. и позднее, надолго...

Как я уже имел случай вспоминать (в этюде о В. И. Вернадском. — Ю. В.), Леонид Ликарионович всю жизнь платил учителю такую же любовью и преданностью его идеям, особенно по вопросу о строении силикатов. Строение силикатов легло в основу его курса минералогии (Иванов, 1926, 1932) и было им избрано темой его пробной лекции, о чем я тоже уже вспоминал (там же — Ю. В.). Наконец, распределение экспонатов в реконструированном Л. Л. богатом Минералогическом музее Е^{катеринославского} Г^{орного} И^{нститута} тоже основывалось на классификации минералов по Вернадскому. Ту же любовь к учителю и преданность его идеям Л. Л. привил и своим уже ученикам. Совет Е^{катеринославского} Г^{орного} И^{нститута} избрал Л. Л. на кафедру профессором минералогии условно, дав ему определенный срок для защиты диссертации и получения ученой степени. Впоследствии этот условный срок несколько раз удалялся, так что в итоге Л. Л. до самой своей смерти не успел защитить требуемую от него диссертацию и возглавлял кафедру, не имея ученой степени.

Не знаю, чем это вызвано было и объяснялось, равно как и не знаю, откуда мне теперь кажется и помнится, что в первые годы избрания на кафедру в Е^{катеринославском} Г^{орном} И^{нституте} Л. Л. будто бы подумывал о теме для диссертации — критический пересмотр, ревизия и перестройка теории строения силикатов по В. И. Вернадскому. Своей теории строения силикатов Л. Л. создать не удалось, но отголоски этого ревизионистского намерения уцелели даже к нашим студенческим годам в виде двух критических замечаний при описании силикатов по Вернадскому, вводившихся Л. Л. сначала в читанный им нам курс минералогии, а потом и в его учебник

(Иванов, 1932), вся вторая половина которого — силикаты — была в основном, в значительной степени составлена по лекционным запискам слушавшего курс студента Г. К. Фельдмана (*Георгий Константинович Фельдман — рукопись*) (в архиве Д. П. Григорьева пока не найдена. — Ю. В.). Первое из этих замечаний относилось к серпентину и касалось возможного числа продуктов присоединения к ортосиликатному ядру. Второе представляло собой новый оригинальный <предложенный> Л. Л. вариант структурной формулы каолинового кольца.

По-видимому, в этой своей работе Л. Л. намечал широко использовать новую в те годы методику термического анализа. Приобретенная им для этого аппаратура (милли-вольтметр, реостаты и термопара Pt-PtRh) долго, бережно хранилась им в кабинете, уже в мои ассистентские годы пополнялась (покупкой дополнительных реостатов) и, наконец, в дни подготовки мною аспирантской работы — защиты по эльбруситу — была им вместе с обучением-указанием, как ею пользоваться, передана в мое распоряжение и оставалась в нем вплоть до моего изъятия из жизни, значит, и из Д<непрпетровского> Г<орного> И<нститута>. Отголоском этого интереса Л. Л., тогда еще молодого начинающего минералога, к новому методу исследования является опубликованная им термическая кривая прохлорита в его статье «Кальцит, кварц и прохлорит с Кавказа» (Иванов, 1916). Это, пожалуй, одна из первых, если не первая термическая кривая минерала, опубликованная в русской минералогической литературе. И следовательно, Л. Л. должен рассматриваться как один из инициаторов и пионеров применения термоанализа в русской минералогии.

Л. Л. был уроженец Перми и часто, с любовью вспоминая народную клечку, данную его землякам, любил говорить: «Мы пермяки — соленые уши». Вспоминая Л. Л. как человека, надо оттенить его исключительную разносторонность. В МГУ он поступил, думая специализироваться по ботанике (*неточность: в 1897 г. поступил в Харьковский университет, в 1899 г. перевелся в Императорский Московский университет. — Ю. В.*). И лишь увлекшись лекциями Вернадского, переключился на минералогию. Вся жизнь, сколько я его знаю, он интересовался метеорологией и регулярно, по три раза в день, записывал и регистрировал характеристику погоды — температуру, давление, ветер и т. п. Думается мне, что эти его записи, накопившись за много лет, должны представлять большой специальный ценный интерес. Но судьба их мне неизвестна, равно как неизвестна мне судьба ряд лет собиравшихся им коллекций бумажных денег разных «правительств» годов гражданской войны и открыток с географическими видами.

Любитель, ценитель и знаток беллетристики, Л. Л. наряду со специальной минералогической литературой имел в своей домашней библиотеке много интересных книг дооктябрьского издания. Был среди них ряд таких, которые ныне, думается мне, не достанешь даже у букинистов по повышенной цене. Из них упоминаются мне: Т. Л. Щепкина-Куперник «Неотправленные письма» (*Неотправленные письма и другие рассказы. — Ю. В.*), трилогия Е. <Н.> Чирикова «Жизнь Тарханова» («Юность», «Изгнание», «Возвращение») и трилогия <В. И.> Семенова «Расплата» («Поход второй

эскадры», «Цусима», «Цена крови») (*Расплата. 1. Порт-Артур и поход второй эскадры. 2. Бой при Цусиме. 3. Цена крови. — Ю. В.*). Наконец, припоминается мне его любимое полное собрание серии «Северные сборники», которым он, пламенный и страстный любитель Севера и Арктики, проведший одну экспедицию на Новой Земле и упорно систематически коллекционировавший литературу об Арктике, ее исследователях и арктических путешествиях, тщетно и безнадежно пытался увлечь меня — заядлого южанина, знатока и любителя Крыма. Не знаю точно, но думаю, что и беллетристика его библиотеки вместе с специальной научной ее частью после его смерти была по его завещанию пожертвована библиотеке Д<непрпетровского> Г<орного> И<нститута>.

Как педагог Л. Л. не славился и не отличался блестящим качеством своих лекций, их завлекательностью, красотой и художественностью. Но поистине блестящими были у него исключительно добросовестные оформление лекций и их иллюстрирование. В Минералогическом музее Д<непрпетровского> Г<орного> И<нститута> им была заведена в особых витринах специальная «лекционная коллекция». Кроме нее были отдельные коллекции метеоритов, природных кристаллов и отдельно — цвета и других физических свойств минералов. Ядро последней составила коллекция, приобретенная у Foot'a. (*А. Е. Фут — в конце XIX века крупнейший коллекционер и продавец минералов; после его смерти в 1895 г. сын продолжил дело и основал Foote Mineral Co., действующую с 1993 г. под названием Cyprus Foote Mineral Co. — Ю. В.*). К каждой лекции на стол перед лектором помимо образцов из «лекционной коллекции» (под которые обычно подкладывались крупные, заранее раз навсегда написанные этикетки-вывески с названием и формулой демонстрируемых, пускавшихся по рукам слушателей образцов) ставились также и модели их кристаллов — большие картонные и из папьемаше и маленькие деревянные.

Особенно заботился Л. Л. об иллюстрации лекции графическим материалом. В основу его были раз навсегда положены цветные таблицы из русского издания знаменитого «Царства минералов» Р. Браунса (1906) (*в этой книге дополнения о российских минералах сделаны при участии П. П. Сущинского, о котором см. выше. — Ю. В.*). Для этого имелся особый, специально разброшюванный экземпляр «Царства...», к которому Л. Л. заранее специально составил опись, указывающую ассистенту, какие таблицы (№№) должны быть поданы лектору к тому или другому минералу. К этим цветным таблицам Л. Л. приносил с собой ряд дополнительных картин-иллюстраций, набор которых (особенно в части статистических диаграмм) им систематически освежался и пополнялся (гл<авным> образом из газет). Кроме того, лекции — особенно кристаллографические — обычно сопровождалась демонстрацией больших настенных таблиц. Ядро набора их висело постоянно в Минералогическом музее, в основном, надо думать, с первых лет работы Л. Л. Это ядро постоянно пополнялось новинками, иногда сделанными специально дома перед лекцией самим Л. Л., иногда специально заказанными чертежнику. Для таких новинок Л. Л. издавна завел в кабинете набор металлических трафаретов букв. Новые демонстрационные таблицы, как правило, копировались из те-

кущих новых геохимических монографий Вернадского и Ферсмана.

Ноябрь-декабрь 1957 г. Днепропетровск. А. Я. Микей

Заключение

На этом заканчиваются «Воспоминания о минералогах» профессора А. Я. Микей, написанные в творческом порыве с 28 июня по 5 июля 1956 г. (в следующем порядке: о В. И. Вернадском, А. Е. Ферсмани, А. К. Болдыреве, В. А. Зильберминце, В. И. Крыжановском, П. П. Сушинском) с дополнениями от 27 марта 1957 г. (о Н. М. Федоровском) и в ноябре-декабре 1957 г. (о Л. Л. Иванове). Вероятно, порядок очерков согласуется со степенью влияния персон на личность автора. Сегодня обо всех, кому посвящены очерки или кто упомянут в них вскользь, можно прочесть в интернете. Но надо признать, что очерки А. Я. Микей с перекрестными отсылками из одного в другой увязывают, сращивают отдельные биографии в единый пласт, соотносимый с очень противоречивым периодом отечественной истории.

Записи сделаны поспешно, не отредактированы, с многими вставками и исправлениями. Но все это — мысли, рождавшиеся «здесь и сейчас», воображаемый разговор с коллегой и интеллектуалом. В годы общих работ в колымской тайге таких встреч было мало. Именно поэтому память сохранила и цепко держала эпизоды, привязывавшие автора к жизни не физического тела, а личности. Из отдельных писем А. Я. Микей к Д. П. Григорьеву (постепенно их набирается все больше) можно сделать вывод, что «Воспоминания о минералогах» готовились им к публикации, которая не состоялась. Тема репрессий «за отсутствием состава преступления» и сегодня неприятна, а тогда и вовсе была под запретом. Мы должны поблагодарить А. Я. Микей, записавшего мемуары, и сохранившего их Д. П. Григорьева. Наш долг — опубликовать их.

Автор благодарит рецензентов за полезные замечания и уточнения.

Литература / References

- Болдырев А. К. Кристаллография. Л.; М.; Грозный; Новосибирск: Госгеоллиздат, 1934. 431 с.
- Boldyrev A. K. *Kristallografiya* (Crystallography). Leningrad; Moscow; Grozny; Novosibirsk: Gosgeolizdat, 1934, 431 p.
- Болдырев А. К. Курс описательной минералогии. 1926–1935. Введение. Элементы. Сульфиды и их аналоги. Л.: НТО ВСНХ, 1926. 263 с. Окислы, гидроокислы, сульфокислоты. Галоиды. Нитраты, иодаты, карбонаты, селениты, теллуриды, манганиты и плумбаты. Л.: Кубуч, 1928, 236 с. Сульфаты и их аналоги. Алуминаты и их аналоги. Л.: ОНТИ, 1935, 186 с.
- Boldyrev A. K. *Kurs opisatelnoy mineralogii* (Course in descriptive mineralogy). 1926–1935. *Vvedeniye. Elementy. Sulfidy i ikh analogi* (Introduction. Elements. Sulphides and their analogues). Leningrad: NTO VSNKh, 1926, 263 p. *Okisly, gidrookisly, sulfokisly. Galoidy. Nitraty, iodaty, karbonaty, selenity, tellurity, manganity i plumbaty* (Oxides, hydroxides, sulphooxides. Haloides. Nitrates, iodates, carbonates, selenites, tellurites, manganites, and plumbates). Leningrad: Kubuch, 1928, 236 p. *Sulfaty*

i ikh analogi. Aluminaty i ikh analogi (Sulphates and their analogues. Aluminates and their analogues). Leningrad: ONTI, 1935, 186 p.

Браунс Р. Царство минералов. Описание главных минералов, их месторождения и значение их для промышленности. Драгоценные камни / С доп. относительно России А. П. Нечаева и П. П. Сушинского; под общ. ред. А. А. Иностранцева. СПб.: А. Ф. Девриен, 1906. 507 с.

Brauns R. *Tsarstvo mineralov. Opisaniye glavnykh mineralov, ikh mestorozhdeniya i znacheniye ikh dla promyshlennosti. Dragotsennyye kamni. S dopolneniyami otositelno Rossii A. P. Nechaeva i P. P. Suschinskogo, pod obschey redaktsiyey A. A. Inostrantseva* (The kingdom of minerals. Description of the main minerals, their deposits and their significance for industry. Precious stones. With additions concerning Russia by A. P. Nechaev and P. P. Sushchinsky, under the general editorship of A. A. Inostrantsev). St. Petersburg: A. F. Devrien, 1906, 507 p.

Вернадский В. И. Отзыв о кандидатах на замещение кафедры минералогии в Екатеринославском высшем горном училище // Изв. Екатеринославского горного училища. 1908. Вып. 1. С. 4–5.

Vernadsky V. I. *Otzyv o kandidatakh na zamescheniye kafedry mineralogii v Ekaterinoslavskom vysshem uchilische* (Review of candidates for the replacement of the department of mineralogy in the Yekaterinoslav higher mining college). *Izvestiya of Yekaterinoslav mining school*, 1908, Is. 1, pp. 4–5.

Дубянский В. В. К петрографии Эльбруса. Варшава: Тип. Рус. о-ва. 1914. 530 с.

Dubyansky V. V. *K petrografii Elbrusa* (On the petrography of Mt. Elbrus. Warsaw: Typ. Rus. Soc., 1914, 530 p.

Зильберминц В. А. Отчет по командировке в Кубанскую область // Тр. Геол. музея Имп. Акад. наук. 1914а. Т. 8. С. 227–230.

Zilbermintz V. A. *Otchet po komandirovke v Kubanskuyu oblast* (Report on a mission to the Kuban region). *Proc. Geol. Museum Imp. Acad. Sci.*, 1914a, V. 8, pp. 227–230.

Зильберминц В. А. О целестине из Кубанской области // Изв. Имп. Акад. наук. 1914 б. Т. 8. № 16. С. 1241–1245.

Zilbermintz V. A. *O tselestine iz Kubanskoy oblasti* (About celestine from the Kuban region). *Proc. (Izvestiya) Imp. Acad. Sci.*, 1914 b, V. 8, No. 16, pp. 1241–1245.

Иванов Л. Л. Кальцит, кварц и прохлорит с Кавказа // Изв. Имп. Акад. наук. 1916. Т. 10. № 8. С. 621–632.

Ivanov L. L. *Kaltsit, kvarts i prokhlorit s Kavkaza* (Calcite, quartz and prochlorite from the Caucasus). *Proc. (Izvestiya) Imp. Acad. Sci.*, 1916, V. 10, No. 8, pp. 621–632.

Иванов Л. Л. Определитель минералов по внешним признакам. Екатеринослав: Горный ин-т, 1926. 77 с.

Ivanov L. L. *Opredelitel mineralov po vneshnim priznakam* (Mineral identifier by external features). Yekaterinoslav: Mining Inst., 1926, 77 p.

Иванов Л. Л. Краткий курс минералогии. Харьков: Техиздат, 1932. 350 с.

Ivanov L. L. *Kratkiy kurs mineralogii* (A short course in mineralogy). Kharkov: Tekhizdat, 1932, 350 p.

Передериев В. А. Физико-химическая характеристика нон-тронитов из Сапа Calamita // Геол. ж-л АН УССР. 1937. Т. 4. № 1. С. 13–27.

Perederiev V. A. *Fiziko-khimicheskaya kharakteristika non-tronitov iz Sapa Calamita* (Physico-chemical character-

- isation of nontronites from Capa Calamita). *Geol. J. Acad. Sci. Ukrainian SSR*, 1937, V. 4, No. 1, pp. 13–27.
- Тихомиров В. В., Волкова С. П. Потери науки в 1956 году // *Изв. АН СССР. Сер. геол.* 1956. № 12. С. 115.
- Tikhomirov V. V., Volkova S. P. *Poteri nauki v 1956 godu* (Losses of science in 1956). *Proc. Acad. Sci. USSR, Ser. Geol.*, 1956, No. 12, p. 115.
- Трейвус Е. Б. Кристаллограф Дмитрий Николаевич Артемьев // *Вестник СПб. ун-та. Сер. 7.* 2004. Вып. 1. С. 96–100.
- Treyvus E. B. *Kristallograf Dmitri Nikolaevich Artyemyev* (Crystallographer Dmitri Nikolaevich Artyemyev). *Vestnik of Saint Petersburg University, Ser. 7*, 2004, Is. 1, pp. 96–100.
- Ферсман А. Е. Воспоминания о камне. М.: Молодая гвардия, 1946. 172 с.
- Fersman A. E. *Vospominaniya o kamne* (Memories of stone). Moscow: Molodaya gvardiya, 1946, 172 p.
- Ферсман А. Е. Под Москвой. 1903–1912 // *Бюлл. МОИП. Отд. Геологии.* 1946. Т. 21. № 1. С. 121–126.
- Fersman A. E. *Pod Moskvoy. 1903–1912* (Near Moscow. 1903–1912). *Bull. MOIP. Dept. Geol.*, 1946, V. 21, No. 1, pp. 121–126.
- Ферсман А. Е. Очерки по истории камня. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1954. 372 с.
- Fersman A. E. *Ocherki po istorii kamnya* (Essays on the history of stone). V. 1, Moscow: Acad. Sci. USSR, 1954, 372 p.

Поступила в редакцию / Received 25.04.2023